

Виктор ХОВИН

**От Леонида Ледяного
к Андрею Белому и обратно**

Статья, прочитанная в «Альманахе Дома Литераторов»¹

Александр Блок в одной из своих последних статей под заголовком «Русские дэнди» пишет о встрече своей на каком-то концерте с одним молодым человеком.

Вот как описывает Александр Блок эту встречу:

«— Мы живем только стихами, — говорит молодой человек, — в последние пять лет я не пропустил ни одного сборника. Мы знаем всех наизусть — Сологуба, Бальмонта, Игоря Северянина, Маяковского...

Молодой человек стал читать наизусть десятки стихов современных поэтов.

— Неужели Вас не интересует ничего, кроме стихов? — почти непроизвольно спросил я.

Молодой человек, откликнулся, как эхо:

— Нас ничего не интересует, кроме стихов. Ведь мы *пустые*, совершенно *пустые*. Вы же ведь виноваты в том, что мы *такие*.

— Кто мы?

— Вы, современные поэты. Вы отравляли нас. Мы просили хлеба, а Вы нам давали камень.

Я не сумел защититься, и не хотел, и... *не мог*»².

Так пишет Александр Блок.

Я не знаю, не хотел ли защититься поэт, но что он не сумел защититься, и не смог защититься, то, конечно же, в этом смысле признание его не вызывает никаких сомнений.

Тема, затронутая Александром Блоком, — не новая тема. Не раз писал он сам о ней; правда, писал не о поэтах и не о поэзии только и, конечно, не о самом себе, но о всей литературе первых десятилетий XX века.

И когда молодой человек, русский дэнди, говорит Ал. Блоку о каком-то разлагающем влиянии современных поэтов на моло-

дежь, то мы вправе тоже понимать это как обвинение не против стихов только и не против поэзии только, ибо, быть может, наиболее характерным моментом в истории указанного литературного движения является то, что поэты его были и крупными, почти единственными теоретиками, и, что крайне важно, теоретиками того литературного движения, которое отнюдь не пыталось замкнуться в кругу только эстетических переживаний.

Поэты не только «пели стихи», но в теоретических статьях утверждали какое-то миросозерцание, в той или иной степени *будто бы* раскрываемое ими в их искусстве.

Впрочем, если первый период новой литературы вполне исчерпывался действительно эстетическим лозунгом: «Твори, что хочешь, этот мир принадлежит тебе», — и если этот период по праву может быть назван эпохой русского декаданса, то период этот был крайне непродолжительным. Уже в «Весех» начинается ликвидация наследия его, начинается преодоление вышеприведенного лозунга, преодоление свободы творчества, «свободы без цели», как говорили тогда, преодоление индивидуализма.

И с этого момента начинается распад декаданса, раскол его на значительное количество враждебных друг другу литературных групп, объединяемых обычно весьма нехарактерным названием «символистов».

Я отнюдь не намерен излагать Вам историю русского декаданса и в такой же степени далек от мысли защищать или обрушивать на преодоление «символистами» заветов русского декаданса, на ликвидацию ими эпохи «искусства для искусства», ибо важен для меня сейчас только самый процесс распада и характер преодоления...

«Мое восстание на Сологуба есть восстание на Леонардо да Винчи, на Джиоконду, на Тютчева, т. е. на все то, что я любил и люблю... Чтобы пролить миро, надо разбить сосуд; разрушить его, не жалеть; это и значит не жалеть искусства, разрушить какую-то внешнюю форму, принести ее в жертву», — так писал Мережковский³. И он же писал еще: «надо дел, надо жизни, долой слова»...

А символисты из «Трудов и дней», Вяч. Иванов и Андр. Белый, о том же, но по-другому, писали, что «символизм наших дней не хочет быть только искусством, а чем-то большим, и от поэта требует, чтобы был он не только поэтом, но тоже чем-то большим»⁴.

«Вы оторваны, — читаем мы в “Трудах и днях” о поэтах, — Вы забыли, что кроме Вас есть люди... Есть огромный народ, — та почва, в которой сплетаются корни ваши, будьте же более почвенны, будьте более народны»⁵.

А Ал. Блок в статьях, которые недавно собрал в книгу «Россия и интеллигенция»⁶, говорит о Мережковском и религиозно-фило-

софском обществе: «Теперь они возобновили свою болтовню; но все эти образованные и обездоленные интеллигенты, поседевшие в спорах о Христе, многодумные философы и лоснящиеся от самодовольства попы знают, что за дверьми стоят нищие духом, которым нужны *дела*. Вместо дел — уродливое мелькание слов»⁷.

И наконец, последняя цитата из Блока.

«А на улице — ветер, проститутки мерзнут, люди голодают, их вешают; а в стране реакция, а в России жить трудно, холодно, мерзко. Да хоть бы эти болтуны в лоск исхудали от своих исканий, никому на свете, кроме утонченных натур, ненужных, ничего в России бы не убавилось и не прибавилось»⁸.

Итак, Мережковский восстает на Сологуба и, вероятно, вместе с ним и на Блока, Вячесл. Иванов и Андр. Белый — на современных им поэтов, недавних соратников их по «Весам», Ал. Блок восстает на Мережковского и т. д. и т. д.

И поводом к этому всеобщему восстанию друг на друга является жажда преодоления искусства как такового, разрушения, как говорит Мережковский, какой-то «внешней формы», утверждение чего-то большего, чем искусство, словесное бегство, повальное бегство всех от слов, от внешних форм к жизни и к делу.

Но только, — помилуй Бог, преодолевают все, — одни со слезой в голосе и надрывом, как Мережковский, восставший на самого себя, преодолевают Вяч. Иванов и Андр. Белый в «Трудах и днях», эти в жреческих одеяниях и с сомнительными повадками теургов XX века, преодолевает Ал. Блок, просто сердитый и отнюдь не склонный в такой передрыге придерживаться хорошего салонного тона и хороших манер.

Все преодолевают, и, казалось бы, преодолевают в одном направлении — от внешних форм и словесности к делу и жизни, а выходит совсем иначе: Мережковский обвиняет поэтов в приверженности к внешней форме, Блок Мережковского в словоблуде, «Труды и дни» — всех в оторванности и тоже в словесности.

Кто же прав из них?

Прав один молодой человек, «русский дэнди», словами которого и начата эта статья:

«Вы, современные поэты. Вы отравляли нас. Мы просили хлеба, а Вы нам давали камень»...

Бедный русский дэнди, бедный молодой человек, захлебнувшийся пустотой российской словесности XX века.

Да и как было не захлебнуться ему в словесной свистопляске богоискателей наших, пытавшихся подменить пафос религиозный изощренностью риторических фигур изощренных фразеологий и пышностью вымученных метафор?

Как было не захлебнуться этому русскому дэнди теургическим бредом символистов из «Трудов и дней», упоенных торжествен-

ным ритуалом мистических действий, стоящих с кадильницами перед пустыми жертвенниками, давно и навсегда порвавших живую связь с мистикой и заменивших ее отвлеченной религией отвлеченных понятий, религией Больших Букв, исходящих не духом живым и не кровью человеческой, а соком словесным.

Как же было не захлебнуться ему сладостной напевностью стихов Блока, за узорностью своих песен укрывшего пустоту, снедающую душу его века, изысканностью своих стихов задрапировавшего пустые ниши своей молельни.

И стало все равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача⁹.

И к Блоку, так же как и ко всей литературе символизма, по справедливости относятся те слова, которые он сам сказал о других, — о русских интеллигентах, сравнивая их с сектантами:

«Многие ли из аристократических интеллигентов наших дней выдержат сибирские пытки?

Все почти издохнут под первой плетью; сами сгноили себя, — свою мускулы, свою волю — на религиозных собраниях и на вечерах свободной эстетики...»¹⁰

Сами сгноили себя, свою волю, свои мускулы...

Не то же ли самое говорил, хотел сказать молодой человек, русский дэнди, эта гнилушка, опустошенная искусством символистов, не то же ли самое хотел сказать он своими тривиальными словами:

«Вы, современные поэты. Вы отравили вас. Мы просили хлеба, а Вы нам давали камень»...

Я, конечно, понимаю, что все то, что говорю я сейчас, звучит не очень-то основательно, и чтоб убедить Вас, я должен был бы, пожалуй, целый арсенал цитат преподнести, богоискательство вскрыть, «Труды и дни» с Вяч. Ивановым и Андр. Белым анатомировать и все книги стихов Блока пересказать. Задача, сами понимаете, непосильная.

Но в оправдание сказанного есть еще один аргумент у меня, и аргумент весьма значительный, — это покаянные слова Андрея Белого о самом себе, о своей прежней литературной деятельности. Слова эти написаны Ан. Белым в 1919 г., т. е. самое свеженькое и последнее «достижение» его.

«Долго обманывал я читателя, преподнося ему утончения контрапунктов из образов и красиво отделанных фраз и, не будучи в состоянии вскрыть своей подлинной точки, заговаривал зубы себе самому», — кается Ан. Белый в «Записках мечтателей»¹¹.

Так, значит, и «Труды и дни», и символизм, который хочет стать чем-то большим, чем искусство, и слова о том, что «кром-

Вас есть люди... будьте более почвенны, будьте более народны», и это тоже было утончением контрапунктов из образов и красиво отделанных фраз?

Быть может, и разговор Блока с молодым русским дэнди, который описан в тех же «Записках мечтателей» и в том же 1919 г., это — тоже покаяние в унисон Андр. Белому и покаяние в том же, тогда иначе зазвучат слова Блока о том, что я «не сумел защититься и не мог», зазвучат так же покаянно, как и у Белого.

Значит, прежняя-то деятельность Блока, разоблачение Мережковского и богоискателей, тоже была «игрою образов», точно так же, вероятно, как и взывы Мережковского к делу и жизни. Недаром игра эта так и не заполнила пустоты душевной у русского дэнди, «уродливое мелькание» слов так *на всем протяжении символической литературы* и осталось только «уродливым» мельканием.

Не стихи же, действительно, вообще, и не литература вообще виноваты в том, что «мы пустые», а какие-то *особые* стихи, какая-то *особенная* литература. И кстати говоря, совсем не к месту пристегнул Блок к именам Сологуба, Бальмонта и прочих — Маяковского. Если и Блок, и Бальмонт, и Сологуб виноваты в том, что «мы пустые», тогда ни при чем здесь Маяковский, и наоборот, если Маяковский виновен, тогда свободны они от обвинений.

И заметьте, что разоблачения эти относятся к нашему времени и напечатаны не где-нибудь, а в «Записках мечтателей».

В наше-то время с программой мечтательства выступить — ответственная, очень ответственная вещь.

Если тогда, давно, Ал. Блок обрушивался на интеллигенцию за отсутствие дел и уродливое мелькание слов, потому что на улице ветер и проститутки мерзнут, то ведь и теперь на мировой улице не Ницца какая-нибудь, и если и «Записки мечтателей» тоже только «искания утонченных натур», тоже только «уродливое мелькание слов», то злость наша побольше основания будет иметь *сейчас*, чем в свое время — блоковская.

«Укрывательством истины» называет Ан. Белый теперь свою прежнюю литературную деятельность.

Леонид Ледяной, старый писательский псевдоним Белого, как пишет он сам, превратился из тени в него самого, стал поперек его жизни, и это к нему, к Леониду Ледянному, относятся слова:

«Стой-ка, набаловался ты, устраивая фокусы с фразой»...¹²

Но если даже никакого Леонида Ледяного в литературной жизни Ан. Белого и не было, кажется, его действительно не было, а это только видение покаянного бреда, обуявшего сейчас Ан. Белого, то мы вправе радоваться этому удачно найденному символу прежней литературной деятельности его, ставшему для меня символом всей литературы первых десятилетий XX века.

Сорвать маску с себя, как с писателя, — вот назначение «Записок мечтателей».

«Пиши, как... сапожник», напутствует себя на новом творческом пути Ан. Белый¹³.

Однако это что-то очень знакомое.

Ну, конечно же, это *enfant terrible** русского футуризма, Алексей Крученых, вопил когда-то о том, что поэт должен писать, как сапожник. И тогда, тогда страшно смеялись над этим Алексеем Крученых; это была такая веселая тема для газетных фельетонистов и блюстителей чистоты литературных традиций.

Но маленький и такой незначительный Алексей Крученых, не проходя через «грозы и бури» всяческих революций, футурист Алексей Крученых в 1911 г. почувствовал что-то в литературных стилях господствующей литературы, почувал в них какое-то укрывательство истины. Почувствовал и почувал что-то такое, до чего только теперь додумался Ан. Белый и в чем только теперь приносит свое публичное покаяние.

Но только блюстители литературных нравов на этот раз могут совершенно и окончательно успокоиться. Ибо если «пиши, как сапожник» было для футуристов в то время подлинным делом их литературной жизни, если это было средством борьбы с искусством, «укрывающим истину», то у Ан. Белого это — только попытка с негодными средствами, это тоже только красиво отделанная фраза, — отделанная по норме сегодняшней эстетики Ан. Белого.

Снова тот же Леонид Ледяной, только *по-новому* фиглярничая, с *новой* фразой, стоит на пути его жизни.

И пусть Ан. Белый уверяет нас в том, что всходит в нем новое тесто на новых дрожжах, и пусть Вяч. Иванов утверждает в тех же «Записках мечтателей», что люди, как изволит выражаться он, «вовлеченные в ураганы сверхчеловеческого ритма исторических демонов, по-новому ощущают мир»¹⁴, и пусть Александр Блок там же горюет над печальной и пустой судьбою русского дэнди, пусть все это читаем мы в «Записках мечтателей», все же все это только новый литературный «стиль», новый словесный фокус, новая маска.

А «ураганы сверхчеловеческого ритма исторических демонов», и «новые дрожжи», и «мировые вихри», и прочая мистическая чертовщина, коей населяют они сегодняшний день, — фигуральное констатирование объективных фактов истории, свидетелями которых являемся мы, — с одной стороны, и с другой — попытка с негодными средствами как-то войти и во что бы то ни стало войти в колеи сегодняшнего дня мировой истории. Желание законное

* ужасный ребенок (фр.).

и не только законное, даже обязательное для всех, для всех нас, но в этом случае заведомо обреченное.

На улице ветер, в России холодно, все рушится, — рушится старый мир и под развалинами его тысячи, миллионы и мертвых и живых трупов, и другие тысячи не могут найти точки опоры и тоже обречены на погибель, а весь остальной мир, и не Россия, а весь мир взывает: долой слова, нужны дела, нужна воля к жизни, воля к творчеству, или иначе мир обречен! Русские же «мечтатели» из «записок» так говорят о себе в своей передовой статье:

«Возможна Коммуна Мечтателей.

Она не есть равенство: братство она; идеал достижения на физическом плане есть братство; Свобода уже достижима в душе; достижимо лишь в духе свободное равенство; равенство, братство, свобода слагают отчетливый треугольник; но треугольник построен здесь в трех измерениях; соединить достижения равенства с братством в свободе — проблема, к которой едва мы подходим; предполагает она: соединенье души, тела, духа в согласную целостность; вычерчивая треугольник на плоскости материальной действительности, получаем мы равенство прав при неравенстве устремлений к свободе и братству; получаем свободу при хаосе всех отношений. Соединить душу, тело и дух в неделимую целостность — кто это может теперь на земле?»¹⁵ И т. д. и т. д.

Так вот какое оно, это современное мечтательство! Мечтательство? — Эта патентованная стилистика, эта одеревяненность душевной восприимчивости, при коей только и возможна такая цветистая теоретика, такой упоенный велеречивый тон, такая полная безучастность к боли, которая надрыгает сейчас душу мира.

И твердо, и ни чуточки не стесняясь, я просто-напросто заявляю Вам, что не понимаю вышеприведенной цитаты, так же как в свое время не понимал словесную абракадабру «Трудов и дней».

Тогда — уточнения контрапунктов из образов и красиво отделанных фраз, теперь — упоение треугольниками и иными фигурами словесной стилистики. И теперь, точно так же как и тогда, сквозь уродливое мелькание слов различаю я бессильное укрывательство ими истины, одной-единственной истины об опустошенности их душ — душ этих «фокусников фразы», испепеленных словесной стихией.

И если б даже треугольники эти разрывались от содержательности вложенного в них, то даже и тогда повторил бы я снова:

«Да хоть бы все эти болтуны в лоск исхудали от своих исканий, никому на свете, кроме утонченных натур, не нужных»...

Сгноили себя, сгноили свою волю, свои мускулы, сгноили фальшью своего прошлого, а теперь всыпают в прокисшее тесто новые дрожжи, поспевают в комическом бессилии своем за ритмом времени.

Недаром поэзия символизма была последней, лебединой песнью старой рассыпавшейся в пыль культуры, недаром Леонид Ледяной был последним певцом и вдохновителем ее.

И она, отравленная ядом разложения, обреченная культура, взрастила свой последний и закатный цветок, ядовитый и тоже обреченный цветок символизма.

Поистине символисты были цветом этой культуры. Поистине впитали они ее в себя.

Но не толпица гуннов пришли и разрушили эту культуру, сама изошла бессилием она, не выдержав первого же натиска враждебных стихий.

«Я ухожу от Вас — пышные, сильные и богатые мертвецы обреченной на гибель действительности, к новорожденным побегам грядущей Весны», — декламирует Ан. Белый в «Записках мечтателей»¹⁶.

Так символизм русский, изолгавшийся однажды в Леонида Ледяного, безнадежно силится теперь возродиться к новой жизни. И чурается он тени своей, забывая, что сам тенью стал, и срывает с себя маску, забывая, что не маска на нем, а маскою лицо его стало.

Потому-то и срывал маску, *хотел* сорвать, но не сорвал.

Потому-то и устройство «Коммуны мечтателей» — попытка поистине с негодными средствами.

8 мая 1920 г.

